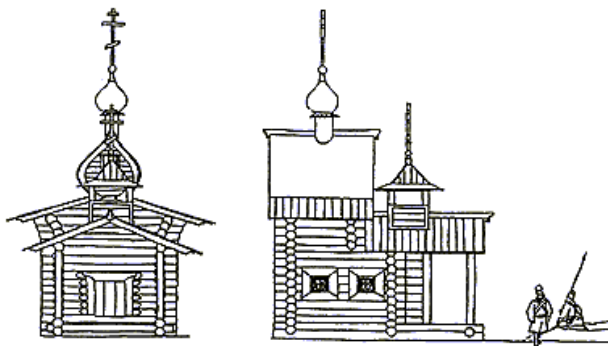

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Илимское застолье

По утрам Душистая Герань
Собирала стебли ржи,
Под навесом бережно сушила.
Вечерами в горнице плела из трав
Для хозяйки крепкую корзину.
Заострённым ногтем расщепляла листья,
Как ножом или иглой.
Пела песни о далекой Родине,
О снегах глубоких,
Об изящных птицах с розовой окраской.

В сильные морозы перья птиц белели,
Исчезало ожерелье с шеи.
Взмахивая крыльями,
Зависали в воздухе.
С голосом негромким мелодичным

Собирались в стаи,
Отлетали к полыньям,
Среди льдов встречали зиму.
Ей же век свой коротать в чужбине,
Приучаться к новой жизни.

Аграфена чувствуя печаль в её словах,
Понимала девушку:
“Не грусти, родная!
Скоро станешь новобрачной,
С песней косу расплетём на две,
А на голову кокошник¹⁸⁰
С бисером наденем”.
“Я боюсь креститься в церкви.
Вдруг ваш бог меня не примет!”
“Полно, милочка!

Наш Христос страдал за веру, за людей.
Миру проповедовал любовь.
Красным солнышком вселяя
Радость и надежду.
Пусть твое сердечко успокоится!
Лучше ты взгляни на суженого,
На красавца молодца,
Славный плотник тешет топором,
После свадьбы вам подарим новый дом,
Терем рубленный”.

Ночью шел промозглый дождь.
Был как раз Григорий на охоте,
Возвращался он верхом на лошади.
Пёс бежал за ним к воротам.
Аграфена, встретив мужа, удивилась:
“Где же наш Полкан трехжильный?”

¹⁸⁰ Кокошник – преимущ. в северных областях: нарядный женский головной убор с разукрашенной и высоко поднятой надо лбом передней частью, с лентами сзади.

“Бросился за уткой, утонул в болоте”.
“Батюшки, беда какая, вновь заботы!
Пса купить придётся у попа,
Без него как без серпа!

Как волков от дома отгонять!
Одному Туземке будет страх!”
“Ничего пред волком должен устоять,
Посмотри, какой в прыжке размах,
Стукнет лапой сразу наповал,
Когти крепче, чем металл”.
Возводили сруб на месте всем гуртом.
Брёвна прилегали плотно,
Конопатили пазы болотным мхом.
Стройку прервала мозглявая погода.

Сын Григория – церковный певчий –
Обитал в молитвах в башне крепостной.
Наезжал домой лишь дни посева
Или летнею страдой.
Осенью и зиму был в Илимске.
Аграфена и Григорий маялись вдвоём.
Жили одиноко на заимке.
Поселенцев встретили с добром.
Двор расширили, убрали часть сараев,
В жертву принесли барана.

Был местами сломан частокол.
Волки ушлые ночами щель разведали.
Дождь и слякоть – зверю воля,
Стаей налетят, оставят беды.
Спал Туземка этой ночью странно,
Вспоминал во сне Полкана,
Жалобно скулил, дрожал от холода.
Он не слышал, как пробрались серые,
Жеребенка-сосунка зарезав и корову.
Оглушили жалобные крики жертв.

С ружьями из дома выскочили,
В темноту палили впопыхах.
Факелами отогнали волчий приступ.
А Григорий вгорячах
Злость сорвал на лающей собаке,
Бил её дрекольем¹⁸¹.
“Что ты брешешь, пьяным дьяконом,
Бестолочь раскольная!”
Коли ни Алеша, он убил бы пса,
Горе отуманило глаза.

Бедному Туземке пищу не давали,
Пристрелить хотел его хозяин.
Но Алёша спас бедняку от опалы,
Снял с цепи, чтоб не отчаивался.
Пёс лизнул его горячим языком,
Благодарно взвизгивал, метался,
Убежал от жизни лютой,
Не желал виновником остаться,
Точно чуял, что теперь он не герой,
А постылый и чужой.

В храме пахло ладаном¹⁸².
“Господу помолимся.
Об имени твоём, Господи.
Боже истины...”
Белые одежды у священника
Вызывали трепет и восторг.
Быстрая Стрела, Душистая Герань
Тело, прикрывая пеленой
Подошли к купели¹⁸³,
Там горели свечи.

¹⁸¹ Дрекольё – дубина, палка, кол, в старину употр. как оружие.

¹⁸² Ладан – ароматическая смола, употр. для курения при богослужении.

¹⁸³ Купель – в церковном обряде крещения: сосуд в форме большой чаши.

Восприемники¹⁸⁴ стояли сзади.
Налагая крестное знамение.
Со словами “Аллилуйя”
Поп, благословляя воду
Проводил по ней перстами.
Помазуя с пением елеем¹⁸⁵.
Нарекая имя,
Кисточкой дотронулся до лба,
Помазуя грудь и уши,
Кисти рук и стопы ног.

Хор запел тропарь¹⁸⁶,
Вновь крещенные Анфим и Василиса –
Божие рабы святого Мира
Вместе со свечой зажженной
Трижды обходили против солнца
Середину храма.
Крест нательный,
Как хранитель всей Вселенной,
Исцелил им душу
И наполнил мысли верой...

К крепостной стене примкнула площадь.
Деревянным тыном огорожен город
Высотой в две сажени.
Башни по углам, четыре в середине,
Две из них проезжие.
Колокольня, церкви, в том числе соборная.
Караульная, тюрьма.
Ветхие казенные питейные дома.
Улица одна
Тянется вдоль берега реки.

¹⁸⁴ Восприемник – у христиан при обряде крещения: человек, принимающий на руки ребёнка из купели, крестный отец.

¹⁸⁵ Елей – оливковое масло, употр. в церковных обрядах.

¹⁸⁶ Тропарь – древнейший вид церковного песнопения.

Тёмный лес еловый
Уходил за горб горы.
Деревянные домишки
Выстроенные из толстых брёвен
С маленькими бойницами-окнами
В кучку сбились.
Было время, что в остроге
Прятались, отсиживались
От тунгусов восстававших,
Не желающих платить ясак.

Переулки были тесные.
Посредине воеводский двор.
На торговой площади ряды мясные, рыбные.
Торг дровами, сеном.
Аграфена потянула за собой
Простодушных барышень.
Муж её Григорий,
Поспешил с Анфимом и Ипатием
К конному базару,
Чтоб купить подпругу к сёдлам.

А Арама и Алеша оставались у телег.
На рядах купцы товар свой разложили.
Зипуны, кафтаны, однорядки, летники,
Шубы, юбки, сарафаны,
Рукавицы, пояса и кушаки.
Шапки, коты, сапоги,
Кружева, пристяжки и венцы.
Ткани разные и сладости.
Аграфена выбрала в подарок
Будущей невесте

Кортель на меху бобровом.
А её подруге платье бархатное
С фижмами роброн,
Что носили дамы знатные.

Азиатские купцы расхваливали
Ткань китайскую, бухарскую.
Возле шёлка яркого,
Что играл небесным цветом голубым
Задержалась на мгновение Елена,
Очень уж хотелось

Сшить канзу, платок на плечи.
А купец калмык заметил,
Как блеснули девичьи глаза,
Улыбнулся ей:
“Отдаю недорого, бери, красавица!
Деньги не жалеи!”
Только вздумала Елена рассчитаться,
На материю легка рука.
Канцелярского служителя жена
Потянула ткань к себе:

“Я возьму её, она моя.
Сколько стоит, басурманин?”
“Женщина, порядок знает?
Я товар свой девице продал, –
Резко выкрикнул рядович.
Городская, смерив взглядом незнакомку,
Губы, сморщив от презренья,
Не сдавалась:
“Больше заплачу, назначь мне цену.
Буду торговаться!

Нищенка мне не указ”.
Чтобы досадить сопернице,
Важная жена секретаря,
Сняв сережки позолоченные
С маленьких ушей
Положила их для убедительности рядом.
Посмотрел на них торговец,
Закивал в согласие головой:
“Хорошо, что скажет девушка,

Отдаёт шелка для женщины?”

Вспыхнув, гордая Елена
Сняла с пальца перстень
С драгоценным камнем.
Взял купец кольцо
С розовым пятикаратником.
“Настоящий бриллиант!
Шёлк твой! Бери скорей.
Я согласен!”
Но не тут-то было, разошлась,
Взвыла зверем гневная ассессорша,

Видя, что её затея не выходит,
Начала кричать:
“Омерзительный скупец,
Покупаешь краденое!
Филька, подь сюда.
Ты, бесстыжая воровка!”
Потянула за рукав смущенную Елену.
Аграфена встала между ними:
“Отвяжись, нахалка!
А не-то пройдуся по космам!”

Василиса трепетала и дрожала.
Разве можно допустить,
Чтобы их в покраже обвинили!
Шум невольно привлекал зевак.
Филька рослый здоровяк детина,
Что был кучером у городских господ,
Слез с повозки и кнутом помахивая,
Медленно пошёл к хозяйке.
Зная, как её скандален нрав,
Он привык без лишних слов

Покрывать её любую выходку.
Растолкав толпу
К спорящим приблизился:

“Барыня, чего изволите?”

“Ну-ка, Филька, покажи,

Кто хозяин ярмарки!

Наперво гони

В шею турка иноземного,

Выстегай затем

Эту мерзкую белянку!”

“Сам уйду, не надо гнать!” –

Стал купец под свист разинь

Собирать в мешки товар.

Гужеед направился к Елене,

Кнут ременный поднимая вверх.

С удивлением заметив,

Как прекрасен лик невинных глаз.

Чувствуя, что оробел слуга,

Крикнула ассессорша:

“Рохля вислоухий, что ты медлишь!

Расстегай её покрепче одеяла!

Пусть по ветру пух летит!”

Филька от смущенья отступил,

Круг людей раздался шире.

Любопытные толпились,

Ожидая зрелища-побоища.

Подчинясь властному приказу,

Кучер замахнулся с силой,

Кнут взлетел над головами,

Просвистел, но не ударил.

Кто-то сзади кнут перехватил.

Оглянулся зло на горожан притихших,

Кто ему перечить стал?

Рядом встал Алеша,

Сыромятину сжимая пальцами.

“Ты чего, шутник!

Лапкой мухи, что ли зацепился?

Отскочи немного в сторону”.

Широко раскинул руки Филька,

Чтоб медвежьей хваткой

Одолеть противника,

Бросить его наземь.

Отчего же сам упал

Под весёлый смех толпы?

Филька встал, отряхивая пыль,

Ничего не понимая,

Словно в крыльях мельницы

Промелькнул по воздуху.

За спасительную плетъ схватился,

Та живая, взвилась змейкой,

И его задела по спине.

То тлинкит Арама позабавился.

Заорала госпожа на весь базар:

“Помогите, убивают! Грабят!”

Крик её услышали солдаты,

Прибежали с ружьями и саблями:

“Где обидчики?”

“Эти дерзкие мошенники!

Их хватайте, нехристя наводчика

С ними заодно”.

“Обижают! – купец с бородкой

Поклонился низко, –

Люди добрые,

С караваном приезжал не раз в острог,

Оставался до весны.

Каждая собака знает, не кусает”.

Сплетница не унималась:

“Главная воровка отдала ему кольцо,

Взятку взял проклятый узкоглазый!”

“Это перстень мой”, –

С горечью ответила Елена.

“Кто за это поручится?” –

Усмехнулся страж сердитый.
“Я ручаюсь за неё”, –
Неожиданно раздался звонкий голос.
Расступился в стороны народ,
Пропуская дочку воеводы,
Сверху летника одетую по моде
В стёганной дульетке распашной
С мастерством отделанную мехом

И лебяжьем пухом.
С золотой косой лежащей на груди,
Подошла поближе.
“Верю ей, она, не станет лгать!”
Льстивая скандалиница попятилась,
И под смех за спинами
Постаралась спрятаться.
А купец слезу, роняя с глаз,
Поклонился молодой защитнице:
“Сердце твоё ласковое!

Девушка не виновата, –
Обратился к вспыхнувшей Елене, –
Вот твоё колечко,
Забирай его обратно.
За шелка я деньги получал.
Надевай смелей на ручку левую,
И носи на счастье”.
Дочка воеводы Александра
За обиду строго взыщет.
Филька взгляд её не выдержал.

Поклонился ей, перекрестился.
“Отпусти меня, поставлю свечку,
Исповедуюсь в грехах постыдных”.
Александра отвернулась от него,
У купца взяла кольцо,
Улыбаясь, осмотрела перстень:
“Отчего не вымолвишь словечко?

Как же звать тебя?”
“Тятя называл меня Еленой”.
“Из каких чинов отец?”

“Он купцом уральским был”.
“Как попала к нам в Илимск?
Наш уездный городок
В стороне от всех дорог.
Ты я вижу не торговка”.
“Я жила за морем много лет,
После гибели родителей
Думаю вернуться в Петербург,
Посмотреть столицу, Русь,
Да проехать по губерниям,

Может быть, найду пристанище.
 Выкуплю себе усадьбу,
 Государыня, надеюсь, примет,
 Мне окажет милость.
 Мой отец не разорился,
 Жизнь отдал чужбине.
 Для родных без вести сгинул.
 Я пытаюсь разыскать кого-нибудь из них.
 Знаю, что Сибирь большая.
 Путь тяжёлый ожидает.

Только это не тревожит”.
 Александра выслушала с интересом.
 Хлопнула в ладоши от восторга:
 “Ты похожа на меня!
 Я такая же отчаянная.
 Убегу в обитель девичью.
 Постригусь в монахини,
 Как Волынская¹⁸⁷ когда-то.
 Не насильно добровольно.
 Стану настоятельницей,

Буду жить в отдельной келье.
 Пусть не мастерицей не в светлице,
 Вместе с сёстрами церковными
 Вышивая золотом на шёлке

¹⁸⁷ Анна Волынская, насильно постриженная 25 августа 1741 года.

По возвращении на престол Елизаветы с юной монахини было снято невольное пострижение. Возвратившись в Петербург, она отправила в Знаменскую обитель напостольное Евангелие, сохраняемое и поныне.

Полотенца, куклы детям.
 В крестных ходах или в праздники
 В смирном платье богомолицы
 Сжалюсь над юродивым и нищим,
 Дам от бога милостыню
 И надежду звоном благовеста”.

Александра засмеялась:
 “Неужели вправду стать монашкой!
 Чтоб забыть про мир забав?”
 Взяв за локотки Елену, Василису,
 Зашептала тихо скрытно.
 Аграфена не расслышала,
 Как лукавая девица подговаривала их.
 Три подружки встали рядом,
 Щёки вспыхнули румянцем,
 Разговор весёлый продолжая...

На верёвочных качелях дворовых,
 В ярких лентах и с сиденьем ватным
 Сверху сшитое атласом.

А Алёша и Арама барышень раскачивали,
Чтоб они взлетали к выси,
С взвизгом платье край придерживая.
Из окошка воевода выглянул,
Посмотреть, как дочь резвится.
Запросто знакомится со встречными,
Ей перечить не посмел.

Всё равно решит по-своему.
Дочь единственную он любил.
После смерти хворой женушки
Лишь одна отрада для души.
“Шурочка! Обедать подано!” –
Крикнул ей негромко.
“Папенька, мне есть не хочется.
Я совсем неголодна”.
“Птичка моя, ласточка,
Пригласи компанию в гостиную.

Я приятелей твоих поближе рассмотрю”.
“Что вы, па..., они такие скромные,
Испугаете ещё вопросами
Строгости не выдержат и убегут”.
“Доченька, не будь упрямцей,
Пирожки горячие с капустой
Няня в печке испекла.
Пышные залиты маслом,
Ждут тебя на сковородке,
Прыгают, как караси на удочке”.

“Папенька, рассказываешь басенку.
Я не маленькая девочка.
Ладно, так и быть, встречай гостей!”
Александра пригрозила кавалерам:
“Перестаньте нас укачивать!
Голова закружится до обморока!”
Спрыгнув с высоты на землю,
Придержав рукой верёвку,

Помогла подругам слезть.
“В бабье лето радостно приветить.

Заходите к нам на званный стол.
Вы куда? – она окликнула Араму и Алешу, –
Те, невольно двинулись к воротам, –
Разве я сказала: уходить?
Кто же папеньку утешит от хандры?
Он охотник колокольных новостей”.
Василиса наклонила голову:
“Не войду я в дом большой!”
“Отчего упрямишься, негодница! –
Рассердилась дочка воеводы.

“Мне нельзя идти с мужчинами!”
“Как нельзя? – встревожилась хозяйка.
“За порог боюсь вступить”.
“Глупая, здесь нет чужих.
Все твои знакомые, отец мой старый.
Мы же будем в горнице девичьей.
Зря нагнала страха!”
“Нет, я стала православной,
И потому не знаю, как мне быть.
Раньше я советовалась с добрыми богами.

Вместе с ними рядышком жила.
У огня тепла просила,
У травы постели мягкой,
У воды лица красивого,
В небе солнышка поярче.
От земли и мха
Сладких ароматных ягод.
Бог Христос решительный и мрачный.
Он не любит по домам ходить”.
“Отчего не любит? Что за балмость!”¹⁸⁸

¹⁸⁸ Балмость – глупость.

Как тебе привиделось?
Вот чудная девка!”
“Я же вижу, люди ходят в церковь,
В дом, где он живёт,
Кланяются и зажигают свечи.
Крестятся и молятся,
А выходят, словно гости,
Каждый по своим делам торопится.
Бог один на белом свете,
Он, наверно, царь жестокий.

Разве можно с ним советоваться
По малейшим пустякам?”
“Ты, забылась, озорница,
Бог всё видит в небесах.
Мысли вздорные ему известны.
Коли веришь, носи в сердце.
Для чего наперсный крест?
Нежели бывает в тягость
Знак для Бога, чтобы мог он лицезреть,
Что душа твоя живёт в надежде”.

Скрип несмазанных колёс двуколок¹⁸⁹,
Свист связи вдруг послышался,
Улыбнулась Василиса,
Оглянувшись, увидав Анфима,
Что застыл, как изваянье у ворот.
Аграфена и Ипатий были на повозках,
А Григорий сдерживал передних лошадей,
Шапку снял, поклон отвесил:
“Здравствуй, красна девица!
Здравствуй много лета, воевода,

¹⁸⁹ Двуколка – двухколесная повозка без рессор.

Батюшка, Кирилл Прокопович!
Соизволь, любезная красавица,
Барышень забрать с собой,
Чтобы затемно уехать с города,
Чай до выселка дорога долгая”.
“Отчего же поезжайте,
Только молодых оставьте нам.
Я отправлю с кучером их завтра.
Пусть досыта нагостятся,
Побывают на застолье.

Мне и папеньке не будет грустно.
Люди новые рассеют скуку”.
“Хорошо, возьми придачу молодца.
У ворот печалится без солнышка,
Да утра всю ночь прождёт.
Очи ясные блистают звёздами,
Всю полянку осыпают плачем”.
“О какой кручине рассказывает?
Не совсем понятно мне”, –
Александра оглядела недоверчиво.

Думала, её разыгрывают,
Но заметив взгляд Анфима,
Что смотрел на Василису ласково,
Разгадала вечную загадку...
Мощный сруб поставлен на подклете¹⁹⁰.
Высоко подняты слюдяные окна.
А над ними тёсовая кровля
Уходила круто вверх
На фасаде сбоку красное крылечко,
Сени, лестница и расписной балкон.

¹⁹⁰ Подклет – в русской каменной и деревянной архитектуре нижний этаж жилого дома или храма, обычно имеющий служебно-хозяйственное назначение.

Гости по ступенькам поднимались.
Им хозяин дверь открыл,
Сам Кирилл Прокопович росту малого,
Предаваясь мыслями домашними,
В распашном кафтане встретил их.
Умные глаза синее озера передал он дочке,
Пухлый нос и розовые щёчки.
Отставной поручик гвардии
Колебался присягать Екатерине,
В наказание жизнь тесалась клином.

Десять лет провел в Сибири.
Воеводствовал в глуши.
Градоборцем с хомута не выбился,
Вперекор судьбу не искрошил.
Был охотником по настроению.
Вместе с Трифоном слугою верным
Пропадал в тайге, забыв об управлении,
Разоряя логово зверей.
А бывало, словно летописец,
Погружался в скучные записки.

Осторожно хаживал по шкурам,
Чтобы не скрипел дощатый пол.
Изредка оглядывал коллекцию оружия:
Из турецкого дамаска штуцер,
Гладкоствольный тульский мушкетон,
Азиатский пистолет изящный легкий,
Рукоять его отделана слоновой костью,
Чуть изогнута, оканчиваясь яблоком.
На стене была английская двойная шпага,
С обухом тупым и вензелем палаш¹⁹¹.

¹⁹¹ Палаш – меч, кинжал, рубящее и колющее холодное оружие с прямым и длинным клинком. Может иметь двустороннюю (ранние образцы), одностороннюю и полуторную заточку. Длина клинка — до 85 см.

Из домашней утвари стояли лавки.
Стены горницы обиты не шелками,
А простой суконной тканью.
Ножки у стола украшены резьбой.
Несколько картин висели в золочёных рамах,
А в углу иконы божьи.
Гости обтирали ноги о рогожу,
Молча, не крестясь, прошли толпой.
Удивило их оружие пригожее,
Словно здесь шумел когда-то бой.

Чернобурки, волки и медведи,
Горностаи, белки и олени
Разлеглись у ног, не ведая,
Что их мех послужит для смирения.
Жалко Александре всякой твари,
Комната её достойная похвал,
Там другие вещи и убранства.
Девушек хозяйка повела к себе.
Няня, выполняя пожеланье,
Затешила перед ночью печь.

Стала накрывать на стол,
Воевода учинил расспрос пытливый:
“Многословия не жажду, ваша воля.
Я к молчанью не брезгливый.
Интересно мне, кто вы такие?
Ворохом неожиданным к нам накинудись.
Вы рассаживайтесь посмелее,
Не смущайтесь разговора”.
Сели скрытные индейцы к хлебу,
К кислым щам для удовольствия.

И, хлебная с плошки¹⁹², развязали языки.
 “Я моряк, – сказал Алеша, а друзья охотники,
 Были на Аляске, там места на редкость дикие,
 Что Сибирь покажется отходчивой,
 Ласки больше в действенных лесах”.
 “Про Америку послушаю внимательно.
 Жизнь, там ведают: без меда и без сахара,
 Как пушистый хвост у белки глаз обманывает”.
 “Острова с довольно влажным климатом,
 Но народ там не пугливый.

Климат всё ж теплей, чем зимы здешние.
 А зверья там видимо-невидимо”.
 “Эка, чудо! – воевода новостью утешился, –
 Вам бы молвить слово представителю.

¹⁹² Плошка – низкая широкая деревянная или глиняная посуда в форме большой чашки, таза.

Есть такой приказчик Шелихов¹⁹³.
 Рухлядь мягкая – доходный промысел.
 Заручиться от властей богатым подношением,
 Снарядить в вояж суда непросто.
 А купцы иркутские старательные,
 Дело начинают с радостью.

Отчего бы ни попробовать,
 Вам и карты в руки”.
 “Мы не против этой просьбы,
 Разорвать желаем окольный круг.
 Лишь бы пришлые не принуждали силой,
 Племена не разоряли гнетом”.
 “Полно, государь, от вспыли охладись!
 Раб себе вредит, когда не чисто жнёт.
 А убийств везде хватает, ссор кровавых,
 Жизнь промышленников в жёстких нравах.

Хоть законы для людей ясных милостивы,
 Кто ручаться станет за тиранов?
 Кражи спирта из кают кормильцев,
 Спаивают моряков заранее.
 Вот компании дерутся меж собой,
 Опыт горемычный валит на убой.
 Местных жителей расстреливают пушками,
 Камни, хижины страшат выстрелами,
 Чтобы нервы крепче впусивать,
 И туземцев выжить,

Скинуть в море непокорных.
 Кто их станет защищать?
 Инородцы, словно коршуны,
 Налетают на зимовщиков.

¹⁹³ Шелихов (Шелехов) Григорий Иванович [между 3 июня и 31 декабря 1747, Рыльск, Курской губернии — 20 (31) июля 1795, Иркутск], русский купец и предприниматель, исследователь северной части Тихого океана.

Будет ненависть умы смущать,
Коли власть стрелой громовой
Не позволит завести на островах
Хлебопашество, заводы.
Разрешая заниматься скотоводством,
Жизнь аборигенам обеспечив на словах.

Церкви – вот венец надежной кладки,
Посильней рукоприкладства!
Благовейный трепет богомольца
Вспашет глубоко христову ниву.
Для небесного отца сироты не ленивые,
Ангелы – монахи вымелят размол.
Дикари полюбят православие.
Пожиная лавры легче обесславиться,
Если помнить только зло,
И рубить под корень выросшие злаки.

К доброте должны стремиться зверобои,
Уважая жителей далёких островов.
Прирастать Америкой – дано России Богом.
Делать надо это терпеливо вовремя”...

Серебряная гора

У ручья росла уродливая ель.
Сломан был побег верхушки.
Кто-то тяжестью насел,
Обрубил, наверно, для приметы.
Но бывает для деревьев хуже,
Обезглавят их порядком опрометчиво,

Чтоб поставить временный шалаш.
Новиков распорядился ладить колья.
Высекая искры с плашки,
Родион разжёл огонь не скоро.
Мох сырой не поддавался,
Тлел, дымком чуть раздувался.
Александр, Киприан, Никитка
Мастерили балаган потешный,
Оплетая гибкую лозу в накидку,
Вверх ложили лапник погустей.

А Егорка зажигал в костре травинки.
Рвал засохшие метёлки вейника
С дёрна пышной луговины,
И по ветру жар развеивал.

Евдоким, крестьянин заводской,
К ним пристал дорогу показать,
В лес глядел с сомнением, беспокоясь,
Стал чего-то опасаться,
Под горой клубился синий дым,
Лихоманку отогнав крестом святым,

Всё ж с ушатом¹⁹⁴ и ковшом
Вниз к ручью направился.
Скорый ужин был готов,
Наварив ухи рыбацкой вдоволь,
Осадив заряды в ружьях шомполом,
Казаки едой занялись праздною.
Евдоким был коновалом зубоглядом,
Он рога отпиливал коровам,
Кольца в ноздри злым быкам вставлял,
Лошадям губу завертывая гляпцами,

Быстро отучал их от нервозности.
Хаживал в окрестные селенья.
Осенью работ в уездах воз:
Свежевать баранов, поросят,
Скот лечить от отравлений.
А затем идти, куда глаза глядят.
Новиков подсел к костру, спросил:
“Далеко ли слобода Горевка?”
“Вёрст за сорок через день осилим.
Деревенька ближе есть – Сосновка,

Только нам она не по пути, –
Евдоким махнул рукой под склон горы, –
До деревни, чёрт её дери,
Доберёмся, а за ней болотина почти,
Барин, там дорога не ахти,
Круг дадим за двадцать вёрст со скрипом,
По грязи с телегой не проедем”.

¹⁹⁴ Ушат – небольшая кадка с ушами.

“Хорошо, проводишь напоследок,
За Горевкой отпущу тебя с прибытком”.
“Ваше право, как вздевать живую нитку”.

На коня вскочил Никитка,
А Егорке подсобили сесть в седло.
“Лошадей позорче стерегите,
Выбирайте склон пологий,
Там трава роскошная растёт”.
Но ребятки голоса не слышали,
Речку перебрались вброд,
На луга направились в ночную.
Сорванцам проказы не излишни.
Их не сразу вытянешь в струну.

Вечерело. Солнце уходило на закат.
Расширялось узкое ущелье.
Свет с небес зелёно-белый
Зажигал леса в тона загадочные.
Пики елей становились всё темнее,
Выделяясь резко в чаще.
По лугам скакать вернее,
Остановишь разве на бегу коней,
Если воздух ароматный опьяняет,
Словно приглашает ехать дальше.

Пятеро лошадок мчались чередой.
Всадники подтягивали вожжи.
Гикали пронзительно и лихо.
Маленький Егорка прижимался к гриве,
Не заметишь седока издалека.
Кони вынесли ребят к поляне вскачь.
И Никитка, на вожжах коня удерживая,
Закричал: “Стоять, Гнедой! Всутерпь!¹⁹⁵” –
Соскочил на землю и помог напарнику.
Изумрудная отава расстилалась бархатом.

¹⁹⁵ Всутерпь – можно потерпеть.

Пашня запестрила в поле лоскутами.
Речка разливалась в перекатах.
Полоса заезженной дороги уходила к лесу.
Отпустив коней кормиться вместе,
Мальчуганы прилегли на травку.
Тёплый ветер теребил им волосы,
Раздувал чубы навязчиво взаправду,
В уши дул, глазам мешал смотреть.
В бабье лето говорливый ветер
Видно заигрался, обольщаясь волей.

“Возвращаться будем, что ли? А Егорка?
Скоро ночь, темнеет быстро”.
“Может, сыщем на полях соломки,
Лошадям здесь корм казистый,
Переспим, небось, не грянут волки?”
“Хорошо, схожу поближе к лесу, погляжу”.
Встал Никитка, почесал, сгоняя блох,
Подтянул веревочку в штанах повыше,
На дорожку гладкую поспешно вышел.
Но босой ногой, страшась чертополоха,

Норовил ступать по твёрдой глине.
Расступились сосны, ели,
А за ними полоса целинная,
Пустошь радостная сердцу,
Чисто выкошенная.
Сеновал из брёвен без ворот
Полон сена с запахом цветов,
Враз его не вывезешь.
Сделана поскотина с жердей,
Где паслись коровы летом.

Место лучше для ночёвки не найдёшь.
Привязав коней за стойки,
Были мальчики довольны,
В сене спать теплей и мягче.

Отругать их могут за лихое самовольство,
Если вдруг поймают.
Но, надеясь утром скрыться,
Улеглись, их крепкий сон сморил.
Небо было звёздное, качал деревья ветер,
Полумесяц не прибавил света.

Ночью на остожье¹⁹⁶ колыхалась тень,
Нагружая на телегу клади хлеба.
Чтоб прикрыть снопы от любопытных глаз,
Неизвестный вышел к сеновалу,
Где невинно спали пастухи.
Увидав коней, воришка хитрый,
Отвязал их потихоньку и увёл с собой,
Покормиться в поле.
Сел в телегу и исчез во тьме.
Ржанье лошадей осталось незамеченным.

Птичьи голоса и яркие лучи от солнца
Разбудили беспробудно сонных.
Глядь по сторонам, нет табуна.
Подскочил Никитка, заикаясь: “Не иначе
Сгнули. Где их искать?”
А следы копыт подсказывали ясно,
В чисто поле выводили.
Выгнав с городьбы, ударив в шпоры.
Лошади помчались, закусив удила.
Скрылись во время от порки.

Лишь когда прикрыл их косогор,
Перешли на шаг нескорый .
“Как могли проспаться?” – терзал себя Никитка.
“Мне во сне приснился скрип,
Точно ехал я на колесе каком-то

¹⁹⁶ Остожье – огороженные жердями снопы с зерном или стога сена в поле.

Спину, подпирая кулаком”.
“Вот чужак, Петрушка кукольный!
Чай привык дремать в избушке курной,
Вот тебе мерещится по ветру
Каждый стук в лесу ударом ветви”.

Погоня лошадей на водопой,
Шалуны забыли свои страхи.
Увязав пожитки бечевою,
Казаки собрались через час, другой,
Выехали в путь присяжным братством.
На горах росли кедровый стланник,
Лиственница, ель, местами тополь.
Речка, разливаясь по желанью,
Запетляла узкими протоками
С галечными перекатами.

Скальные утёсы охраняли берега,
Шум воды стал заглушаться.
Счастье вёрткое не станет лгать,
Ускользнет внезапно, эхом оглашая.
По дороге вслед отряду казаков
Мчались конные вдогонку.
Из стволов палили грозно,
Чтобы те остановились.
“Да, придётся, барин, пуганой вороной
Встать на оборону, чтоб не затравили!”

Новиков привстал в седле:
“Что там за гонцы преследуют?
Нет ли происшествия от лешего?”
Неизвестные посланники подъехали поближе.
Дюжина не меньше,
Все настроены враждебно, в лица
Вглядывались, красноречьем смешиваясь:
“Вы отколь, соколики низовые,
В горку скачите помимо селища?
Не ковры в дороге вам разостланы?”

“Коль, любезные, душевного спасения
Ищите в сторонке, нам поведайте,
Если вы правдивые, мы примем по-соседски,
Наши уши ждут благие вести”.
“Что за каламбур, балбесы!
Кто позволил вам нас задержать, –
Рассердился на крестьян ассессор, –
Я поддену вас под жабры,
Каждого плетью за дурость накажу”.
“Может ты и важный барин,

Только поворачивай назад,
Наперед дороги нет!”
Мужики столпились кучно,
Били лошади копытами от скуки,
Ружья замерли в руках прикладом.
“Олухи, я послан прокурором,
Вас на рели вздёрнут!”
“Не грози, езжайте-ка вслед без злобы,
Староста зовёт на сдобные оладьи,
Спрашивай с него, а мы его оглобли”.

Мужики, конечно, увидели Евдокима.
Стали с ним в сторонке говорить.
Обсуждали что-то, он прислушивался к ним,
Пальцы, запустив в бородку,
Пожурил неодобрительно.
Широко открыл беззубый рот:
“Вот те крест, соврать не даст небесный царь!
Про покражу смолите с обидой”...
Деревеньку так сложили встарь,
Что из окон открывался чудный вид.

Добрые подворья огорожены заплотом,
Плотно прижимались без пустот.

Прясло¹⁹⁷ возле стен врубались в столб.
 Печь затапливали в чёрных избах,
 Не смолистой елью, а берёзкой и ольхой.
 Дым висел под потолком, не падал вниз.
 На фасаде косячатые окошки
 Закрывались ставнями резными.
 На столбах крыльцо с шатровой крышей

Украшалось водомётами, причелинами.

Сельская община собралась на сход мирской.
 Благо улица была сухой.
 Хлебопашцы, старцы, жёнки, молодые
 С укоризной спорили, шутили.
 Забывая дело, смех звучал и брань.
 Стихли голоса, уже с негодованьем
 Выжидали, что им скажет староста.
 Чужаки по-прежнему ершатся яростно,
 Отрекаются, срывая глотки.
 Суд крестьянский скор, короткий.

¹⁹⁷ Прясло – изгородь из длинных жердей, протянутых между столбами, а также часть такой изгороди от столба до столба.

“Пусть заплатят за потрапу хлеба,
 За снопы, что тайно увезли”.
 Новиков толковых пояснений требовал:
 “Очевидцы где, крикливые?
 Вы что верите паршивцам послухам?”
 “Отчего же есть и видоки!
 По следам схватили вас за хвост.
 Коли пьёшь, не бей горшки!”.
 Выступил вперед сам потерпевший:
 “Добрые селяне, в щепки рубятся деревья.

Почему? Я спрашиваю вас.
 Кабы гниль к ним не пристала.
 Стало быть, в пограже нет участия.
 Лошади проникли шальные,
 То вина моя, остожье перевито худо”.
 “Ты, Корнило, что подпишешь мировую? –
 Спрашивали у обиженного старички.
 “Нет, считаю: вор, то деревенский.
 Казакам проезжим сделать это не с руки”.
 “Безответным подозрением

На кого указываешь?” –
 Зароптали голоса в толпе.
 Но Корнило отмахнулся от соблазна:
 “Не хочу судить песок в крупе,
 На зубах скрипит куда деваться?
 Дознавайтесь сами, пусть колдун решает,
 Он за дело примется с подхватом.
 Курицы кудахчут, а лиса считает”.
 “Сенька, кличь-ка знахаря” –
 Староста направил за убогим паренька-рубаху.

Немощный калека жил Христовым именем.
 Побирался по слободкам близким.
 Содержали ведуна неисцелимого,
 По крестьянским избам.
 Ликом страшным взглянет, как пожаром

Глаз его залитый кровью пламенел.
Виноватого безжалостно ужаривал,
Что от взгляда тот угодливо немел.
Сенька, за плечо, придерживая хворого,
Вёл на сход. Колдун вцепился в бороду,

Рвал седые волосы, развевал по ветру,
Божьим человеком оказался Никодим.
Он не утонул в пучине, скрылся незаметно,
Бился головой о скалы волей одержимой,
Выплыл на другую сторону,
Прятался в лесу, питался пищей скорбной.
Одичал, привык к зверям.
Напуская блажь, дурачество
От людей бежал упрямо
В дебри с хохотом и плачем.

Случай свел его с охотником,
На того насел медведь косматый.
Опрокинул на болоте,
Наперед увидев, скрадывая,
Выбил лапами из рук ружьё,
Чтоб по-барски отомстить ударами.
Никодим спешил на шум и рёв,
По сучкам потрескивая босыми ногами.
Как неистовый завыл от ярости,
Палкой в зад обидчика ударил.

Что Топтыгин закрутился, разевая пасть,
Вмиг поднялся на дыбы,
Может быть, подмял бы сразу,
Только выстрел прозвучал, и зверь убитый,
Тушей между кочек пал.
А охотник вместе со скитальцем
Две недели жил в чащобе.
Разговаривая, Никодим терял рассудок,
Изъяснялся странным образом,
Ум его раздваивался чудом.

В голосе услышать можно было страх
Или жалобные вздохи,
Путал он слова, высеивая взмахом,
Словно пахарь что-то из ладоней,
На пустые пальцы, вглядываясь долго,
Видел отблески на коже золота.
Убегал в тайгу подальше,
Приносил с собой траву пучками,
И крошил её кресалом¹⁹⁸,
Точно высекал с былинки пламя.

Бормоча, оглядываясь, подходил к костру
Горсть травы, бросая в котелок.
А охотник, прикасаясь к топору,
Вытирал рубахой черпачок,
Чтобы пригубить наваристой похлёбки
По началу боязливо робко,
Но затем довольный улыбался,
Вкусной пищей объедался.
На убогого смотрел приветливо,
Беглый взгляд не вдарит плетью.

Пред рассветом хворый чутко слушал,
Он не спал, рассматривая ветки.
Как-то раз сова-бедовая головушка,
С опереньем мягким понеслась на ветер,
Только воздух чуть качнулся,
А за ней птенцы, прицеливаясь к жертве,
Сверху зайца караулили.
Никодим поднялся, сморщился в гримасе,
Распылясь гневом страстным,
Стал следить за хищниками без опаски.

Он щекой прижался к дереву,
Ствол, которого пометила гроза.

¹⁹⁸ Кресало – огниво.

Руки заскользили недоверчиво
По свисающей коре сползая,
Ощутили теплоту дупла куницы,
Что гнездо, оставленное птицами,
Заняла до будущей весны.
Самке с выводком, наверно, снились сны
После ужина рябиной и морошкой.
Выскочили из дупла, как кошки,

Чуть ли не в глаза хвостом махнули.
Никодим, однако, не успел подумать,
Что за черти бороду щекочут?
Ртом проказниц не проглотишь,
Не поймаетшь тёмной ночью.
Осерчал бедняжка, может это пчелы?
Мёд лесной по детству вспомнил.
Стал рукой поглубже ворошить,
Пух, да шерсть в дупле лежит.
Побесился, стукнул кулаком,

Побежал к костру за топором,
Опрокинул котелок с остывшим чаем.
“Ты чего пронёсся, словно рысь прыжком? –
Пробурчал товарищ, просыпаясь.
Никодим рукой махнул в ответ,
Взял топор во тьме исчез.
Стал ходить вокруг высоких елей,
Сучья, отсекая в лунном свете.
Раньше дятла разбудил зверей.
Притомился вскоре добродетель,

На траву свалился сонным...
Солнце уж блеснуло из-за горки.
Проезжал в деревню бондарь¹⁹⁹,

¹⁹⁹ Бондарь – мастер, изготавливающий из деревянных планок крупную посуду (бочки, кадки, лоханки).

Увидал охотника, остановил коня:
“Братец, Еремей, ты не встречал корову?
Убежала в лес, не слушая меня”.
“Как же, Евдоким, встречал, лежит под ёлкой”.
“Где дружок?” “Там посмотри”, –
Улыбаясь, показал ему на молодца,
Что уснул в лучах зари.

Евдоким, поводья привязав к берёзе,
Подошёл, чтоб рассмотреть поближе спящего:
“Али беглый? На глаза заноза!
Где нашёл его? Вся рожа сбита ящиком!”
“Нет, ни каторжный, убогий.
Спас меня от лап медвежьих.
Коль не он, я протянул давно бы ноги
Под корягой бы лежал невежей”.
“Да по виду чёрт не здешний”.
“То-то и оно. Оставлять его грешно.

Пропадёт один в тайге.
Я не знаю, что с ним делать.
Он воды боится словно зверь”.
“Чумовой? Тебе не страшно?
Вдруг укусит или сдавит горло петлей?”
“Что ты мелешь! Взбудоражишь квашню!
Больно злобно сметлив”.
“Мне то что, таскай с собой, коли охота!
У меня теперь одна забота
Стельную коровушку найти с рассветом”.

Евдоким направился к лошадке,
Что жевала травку и трясла ушами.
Обернулся, попрощался взглядом,
Что-то отразилась в памяти:
“Слушай, Еремей, сведи-ка хворого в деревню,
Может быть, ведунья исцелит”...
Так охотник от тоски душевной
Прочитал с утра святым молитву,

Поспешил к старухе Агриппине,
Задобрить её гостинцем.

На лабаз²⁰⁰ убрав припасы,
Чтоб зверьё не тронуло наскоком.
Вязаный кошель поставил на кокору,
Положил в него оленьё мясо,
Закрепил вожжами на плечах мешок.
Никодиму знак подал рукой,
Чтобы тот его дождался,
По лесам без проку не шатался.
Посох взял, чтоб перейти трясину,
В путь отправился один.

Агриппина – вещая затворница –
Проживала на краю селения.
Рядом с лесом среди трав прикорных
Покосилось набок древнее строение.
Кровля по потокам-курицам
Отражала голубое небо.
Печь дымком выкуривала
Тараканов и постельных блох.
Муж её пропал без погребенья,
Был он глумник, скоморох.

Постучал Ерёма в дверь избушки,
Как в гнездо занятое кукушкой.
Тишина, ответа нет,
Отворил её с порывом ветра.
За дощатой переборкой
Находился бабий кут.
Помело, ухваты, палочки распорки
Для посуды деревянной.
На залавке в миске яйца,
Со стены свисал сплетённый лук.

²⁰⁰ Лабаз – навес, настил на дереве.

Агриппина воевала в этот миг с козой,
Затащить её хотела на поветь²⁰¹,
За бока хватала кочергой,
На рога натягивала плетё.
Лестница, приставленная к крыше,
Была старая гнилая,
Как сама хозяйка, напрягая мышцы,
Силилась втянуть упрямую наверх, ругаясь:
“Пакостная! Тварь безумная!
Иже, что надумала!

Упираешься? Съедят ночами волки”.
Но коза не подчинялась.
Пялила глаза, как будто потешалась.
Знахарка намаялась без толку,
Благо рядом оказался Еремей.
“Бог вам в помощь, баушка!
“Отвяжись, репей! –
Посмотрела косо, выдержала паузу, –
Что стоишь, как пень-колода,
Помоги мне заарканить подлую”.

Так коза была привязана на сеновале.
Агриппина в жёлн воды плеснула из ведра,
Чтоб скотина не страдала.
Курам горсть насыпала зерна.
Дверь сарая притворила камнем,
Пса спустила с поводка.
Квас овсяный черпанув для гостя.
Села у окна, рукой упёрлась в подбородок,
Чтобы ненароком не ломило кости:
“Не лижи со лжи калёных сковородок,

Говори, как на духу, что привело сюда?”

²⁰¹ Поветь – помещение под навесом на крестьянском дворе.

Высказал охотник притчу:
 “О калеке крайняя нужда
 Позаботиться взываю одобрительно.
 Дабы он головушкой подумал здраво,
 Не замкнулся в мыслях на забавах”.
 “Дам тебе кореньев, их распаришь в кипятке.
 Травку зяблицу размочишь в молоке.
 Чертогон целебный дать бы рада,
 Да его коза сжевала в лихорадке.

От чертей его воткнула в щель ворот.
 А она зубами утащила в ненасытный рот.
 Пусть теперь сама нечистого гоняет,
 В темноте по крыше погуляет.
 Я неделю думаю в лесах ходить,
 Травку и цветы бессмертника искать.
 Мух и блох намерен буду хоронить,
 Нечисть из избы сгоню в часы заката.
 В Поднесеньев день²⁰² придёшь ко мне
 Вместе с горемычным перед снегом”.

²⁰² 22 сентября.

Еремей подался в путь обратный.
 А старуха на заре согнала вниз козу.
 Волокушу²⁰³ прикрепила на ошейник псу,
 Положив туда продукты и манатки.
 Петушка, да курицу – тщедушных деток,
 По бокам козы развесила,
 Плетью закрепила в клетках.
 И со всем своим хозяйством
 Вышла в путешествие
 По горам и долам в заозёрный край.

Никодим в отсутствие охотника
 Лес рубил без отдыха.
 Проходили мимо мужики
 С заступами²⁰⁴ на плечах.
 “Что ли здесь искапывать в лугах,
 Пристава обманывать мякиной?”
 “Место славное, Евдоха сказывал.
 По кустам сворачиваем на поляну”.
 Обходя отнорки лисьих лазов,
 Повернули влево к временной стоянке,

Где Ерёма ночевал с приبلудным человечком.
 Четверо крестьян с селения Сосновки
 Положив лопаты, прилегли у речки.
 Парни молодые были ловкими,
 В зипунах сермяжных²⁰⁵ и в косоворотках²⁰⁶
 С воротом глухим рубашки
 Радовались, глядя на природу,
 Пенъем и полётом пташек.
 Хоть работа их ждала нелёгкая,

²⁰³ Волокуша – приспособление в виде двух скреплённых жердей, употр. для перевозки грузов волоком.

²⁰⁴ Заступ – лопата.

²⁰⁵ Сермяга – грубое некрашеное сукно.

²⁰⁶ Косоворотка – русская рубаха, с боковой на груди прорешкою.

К исполненью дюже строгая.

Чтоб исполнить в точности,
Как наказывал им староста,
Фрол, с усердием вбивая колья прочные,
Три сажени мерил от кустарника.
“Начинаем, братцы, дело тонкое”.
Пласт земли с дерниной складывали
Осторожно чуть в сторонке.
Словно ворожбу загадывая,
Стукнули о камни чернокнижники.
Валуны, оглаженные и булыжники

Прятали в мешки, таскали к берегу,
И, крестьясь, закидывали в воду.
Никодим внимательно смотрел,
Как свершалась ересь.
“Свят, свят, свят!” – шептал безродный.
Он в испуге подскочил
К чёрной рукотворной яме.
Там внизу Микитка копошился,
Подавал товарищам отверженные камни.
Жалко было, как топили голышей несчастных.

Никодим воды боялся.
Он помочь ничем не мог,
Исказив лицо, грозил безумно пальцем.
“Чем его занять, маячит на глазах?” –
Вымолвил с тоски Георгий:
“Бес в него вселился что ли?
Плачет будто на похоронах!”
Откопав с аршина два, расчистив шахту,
Стали греховодники в провал сыпать песок.
Улыбнулся хворый, снял свой пояс.

Побежал за маленькими камешками,
Набирая их в подол рубахи,
Помогая землекопам, сеял по углам.

“Вот поява привередная!
Позабыл о прежних страхах”.
Дёрн сложили напоследок,
Чтоб трава закрыла их раскоп.
Стали мужички подумывать о поприще.
“Разъясни, Микитка, нам еланщикам сибирским
Отчего боимся мы дорожной пыли,

По лесам скрываемся, как звери,
Затаились мимо троп торговых?” –
Лепетал окольной речью Сергей,
Спотыкаясь на словах, картавым говором.
Был Микитка рассудительным,
Он, окинув волосы со лба, сказал:
“Знамо лучше для деревни и правителей,
Коли б грязь нас миновала.
Только не дадут покою, затаскают на работы.
Каторжные что ли, мало ли заботы:

Сеять, вспахивать, косить.
Хочешь камнями болотину мостить?
Крикни, мигом воронье дознается,
Заклюют поборами, житья не будет.
Мерин свои дровни не лягает,
Если не лобзается с Иудой.
Надо нам скрывать как прежде,
Что у речки есть каменья.
А приказчика – невежду
Легче миром обмануть за деньги”.

Стали мужички ждать старосту²⁰⁷.
К вечеру он прибыл на телеге
Вместе с Еремеем и седыми старцами.
Вся процессия проследовала к речке.

²⁰⁷ Староста – выборное или назначаемое лицо для ведения дел в деревне.

“Благо, добрые заступники,
Оправдали истинно доверие.
Нам теперь не страшен царский егерь.
С чарочкой вина отметим дело вкупе”.
Вся компания присела на полянку.
Расстелили скатерть-самобранку.

Выпили, пришла пора хвалиться:
“Уж который год беда бежит отсюда.
Разве надо, братки, горячиться.
Знать господская крестьянину не люди.
Мы обманом их возьмем, но в этом нет греха, –
Староста, слагая крест двумя перстами,
Усмехнулся и сказал: – На что боярину соха,
Сделаем ему гудок с ветвистыми рогами.
Пусть потешится и не скрипит зубами,
Что в деревне соблюдается Христова тишина”.

Старички седые закивали, одобряя:
“Истина в твоих словах Михей Фомич,
Благостную небылицу сотворяешь.
Наши прадеды посеяли пшенички
Меж болот без пакостных дорог.
Осеняя путь, шагая посолонь”.
“Солнце обогреет, сохранит нас Бог,
Коли не нарушим заповеди предков!”...
*До глухой деревни потихоньку
Силились дойти лазутчики с разведкой,
Направляли их смотрители,*

*Прыткие искатели сырья потребного для тракта.
Если раскопают исполнители,
Что есть залежи строительного камня,
На полях взойдёт не рожь, а лебеда,
Да её косить не будет времени.
Всех крестьян погонят в три ряда
На добычу зело рукодельную.
Вот поэтому держать старались в тайне,*

А приказчиков привязчивых кормили байками.

*Чтобы откупиться, отдавали взятку до зимы...
Грелись у костра. Охотник Еремей
Взял поленья, что припас убогий Никодим,
Бросил в пламя. Чаем потчевал гостей.
Разговор затеялся о рыбной ловле на крючок.
В чистой речке попадался: сиг, ленок
И седые головастые таймени.
Ниже плёса скорость вод усиливалась.
Берега прикрыты чахлой лиственницей,
Мишистыми под елями растениями.*

Посмотрел Михей Фомич в глаза страдальцу
И сказал: “Ерёма, не бросай его.
Столько бы молва не звякала
Не изменит от злорадства ничего”.
Никодим как будто знал, что говорят в нём,
К старосте приблизился, изображая знаком,
Он то знал: посеянные камни вырастают
В солнцепутный пояс Зодиака.
По ночам сухие листья к звёздам отлетают,
Чтоб Стрелец²⁰⁸ мог нюхать зеленчак²⁰⁹.

²⁰⁸ Стрелец – зодиакальное созвездие, в котором находится источник радио- и инфракрасного излучения Sgr A, совпадающий с центром Галактики. С территории России созвездие видно в конце весны и летом.

“Прячьте руки, посмотрите на колени,
Там следы от огненной горы! –
Зашептал убогий, по траве катаясь от видений.
Грезились ему повсюду вилы, топоры.
Удивил припадком мнительных крестьян.
“Зло от дыма! Береги деревья!
Акулиной-травкой зажигай бурьян!”
Кинулся прокаженным от гнева,
Босыми ногами пробежал по углям
Безобразным неразумным пугалом.

Из поленицы схватил еловые дровишки,
Кланаясь, подарки подносил.
Каждому полено, две сосновых шишки,
Вымазался в саже, словно тлеющий фитиль.
Старцы принимали молча царские гостинцы,
Староста, поддакивая головой для вида,
Чурку гладил за кору щетинку,
Но, перевернув её, едва не умер сидя.
На расщепях колотых сверкало золото,
Жилками, пронзая оголённый ствол.

“Пресвятая Богородица, избавь от маеты
Душу грешную, насаду отведи!” –
Зашептал Михей Фомич благоговейно.
Старцы вслед молились от глазных болезней.
Как могло на дереве такое чудо появиться?!
“Он колдун! Крапивой заговаривает! –
На ушко сказал находчивый Микитка, –
Рожь не сразу зёрна выдувает,
Колосится к осени, чтоб урожаем радовать
В закромах перед богатой свадьбой.

²⁰⁹ Зеленчак – что-либо незрелое, особ. нюхальный табак, сыромолотный, из зелёных листьев

Стало быть, не зря пришли Спожинки²¹⁰,
Чтоб щипать поленья на лучинки?”
Всё не верили свалившемуся кладу,
Щупали руками, дергали ресницы.
Золото как наяву блистало
Иглами, булавками и спицами.
Расщепав, набрали четверть фунта,
Спрятали подальше под зипун.
Вместо срубленного дерева рябинку посадили,
Для надёжности водой полили.

С той поры зажил в слободке Никодим.
Берегли его, кормили миром.
Колдуна, на чары одержимого,
Стал народ честной побаиваться,
Точно лошади занузанные смиренные.
Матушка Сибирь таёжная окраина,
Там свои обычаи и правила.
Слитки золота кузнец на кольца переплавил,
Серьги и брелочки молоточком выровнял,
С блеском вылощил обтиркой.

Старосте вернул для сохранения украшения,
На подарочки приказчикам для пользы дела.
Деревенька разорялась в меньшей степени,
Не хваталась за неё чины багром железным.
Были ссоры меж собой и пересуды разные.
В краже хлеба, чтоб найти проказника
Привлекли убогого гадателя.
Поселян построили в одну шеренгу.
Старцы были заседателями.
Без допроса и застенков

Суд начался праведный.
Первым слово взял Михей Фомич:
“Мужики и бабы, в воровстве недавнем

²¹⁰ 21 сентября.

Ищем подлинную личность.
Кто что знает, обществу скажите.
Нам Корнило намекнул: злодей-то здешний,
Казаков залётных наобум зачем корить?
Коли сомневаетесь, ответствуйте не мешкая!”
Староста примолк, посматривая на толпу.
Серафим, как мышь, надулся на крупу,

Голосом в ответ сердитым выпалил:
“Чьи же лошади топтали поле?
Пришлые поветрием прилипли,
Поживились вволю,
Ставь их в линию проверки,
Пусть колдун их испытает первыми”.
Зашумели обыватели разладом в мыслях.
“Барина, что тоже ставить в ряд? –
Евдокия вскрикнула неистово,
Чтобы всех перекричать.

Спор решили старики – народные святые.
Дед Михей, за сто годов от роду,
Бородой протёр глаза сырые:
“С соломинки легче пузыри пускать,
Все следы уходят в воду.
А попробуй встать взамен оглобли?
На себе весь воз не вывезешь.
Осрамишься, глядя в облако,
В каждый шаг положишь гривну²¹¹,
Коли грызть зубами живность.

Ни к чему нам приbedняться,
Ведаем, куда ты катишь камни.
Сообща желаем разобраться,
Запевалы славят песню голосами,

²¹¹ Гривна – денежная и весовая единица в Древней Руси — серебряный слиток весом около полуфунта.

Подголоски в подворотнях вторят”.
Серафим, пригнул пониже плечи,
Не решился больше спорить.
Он лишился дара речи.
Глянул влево на Степана,
Тот укутался кафтаном,

Ноги порознь поставил,
А глазами землю ел от зависти.
Порешили, что колдун узнает ухом,
Кто припрятал клади хлеба.
Проверять не стали казаков, детей, старух.
Отслужили наперво молебен.
Осветив икону створчатую.
Сенька нёс её с великой гордостью,
Спрашивая каждого, не милую:
“Брал пшеничку у Корнилы?”

“Нет, чужого нам не надо!” –
Кланялся по сторонам ответчик.
Целовал икону, лбом к земле прикладываясь.
Жёнка, детки плакали.
“Бог всё видит! – устрасал для вида Сенька.
“Не губи наскоком накось! –
Умолял его несчастный поселанин.
Чтоб задобрить колдуна
Ложечку ему давали оловянную,
Чарочку вина или горсть пшена.

Кто во что горазд, лишь бы не был зол,
Не смотрел на них палящим глазом.
Словно Геркулесов столп²¹²
Над людьми не возвышался краем разума.
Зёрнышки пшена испробовал на вкус колдун.

²¹² Геркулесов столп – в греческой мифологии столпы, поставленные Гераклом на краю мира в память о своих странствиях.

Как на грех в них оказалась косточка,
Либо камешек покрепче, чем чугун.
Зуб сломал себе ведун,
Да всплакнул от боли острой.
Взглядом он заметил прядь волос

Молодой красавицы, стоящей рядом.
Косы белые прикрыли её грудь.
На поневе были бубенцы,
От движений зазвенели чудно.
Никодим пристал на цыпочки,
Пристально разглядывая венчанную,
Позабыл на миг о боли.

“Как царица, ты изменчива!
Голова моя сегодня малосольная.
Ты взойди на стлань²¹³ бревенчатую.

Расскажи народу правду в бубен.
Под тесьму кладётся каравай,
Складки получают на юбочке.
Не стучи мутовкой в край,
Ссориться не надо с глиняной посудой.
Ах, царица, встану на колени,
Щепотью креститься грех, Иуда!
Помню всех переселенцев”.
Никодим упал на землю и завыл,
В бороду втирая сор и пыль.

Новиков спросил у старосты:
“Что он куролесит? О какой царице говорит?”
“Не могу ответить толком, государь.
Слышал, что встречал в пути
Женщину дворянку знатную,
Провожал её к Иркутску по реке,
По тайге блуждал старателем.

²¹³ Стлань – накат, всякого рода сплошная настилка из досок, бревен, брусьев, для езды и для ходьбы

Арестантом не был, видно по руке.
Не клейменный, посему не беглый.
Вот такие казусы, извольте, барин”.

Призадумался ассессор, прижимая губы,
Он смотрел, как Сенька поднимал убогого.
Ставил на ноги, в ладошку сунул бублик,
Вновь повёл свирепого бульдога.
Страшно было в этот судный день крестьянам,
Вдруг разгневается в пору ворожей,
Превратит их в чудищ деревянных
Или в кадки в связке обручей.
К Серафиму подошли и рядом встали,
Никодим ему на ногу наступил случайно.

Побелел от страха Серафим, заохала жена.
Ждали громовой небесной кары.
А колдун, провеивая щепотку зерна,
Дул на зёрнышки с азартом.
“Золото растёт из семени,
Дерево шумит не листьями.
Мало остается времени,
Говори скорее истину!”
Сенька протянул несчастному икону.
“Кайся при святых до тонкости”.

“Я не виноват. Не брал на поле хлеба.
Видел, кто сидел в телеге...”
Не успел сказать, что требовалось,
Вдруг упал сраженный кулаком на слегу²¹⁴.
Так его Степан по-дружески приветил.
Было поздно, мужики и сами догадались,
Кто виновен в этих сплетнях.
Понятые осмотрели двор опального.
На овине обнаружили снопы.
На солому глянув с любопытством,

²¹⁴ Слега – толстая жердь, брус.

Завершили спор постыдного поступка.
На земле заложной она крупная,
Стало быть, зерно Корнилы.
Возместить убытки присудили,
Замириться с обществом вином.
Чтобы мзда и корысть позабылась.
Жить в деревне нужно праведным трудом.
Не злобиться понапрасну на крестьян.
Староста, запахивая полы зипуна,
Пригласил гостей в свой дом.

У ручья стояла кузница,
Сруб чернел тесовой крышей.
Молоток звучал кимвальной²¹⁵ музыкой,
Привлекая звоном ребятишек.
Рядом стан дляковки лошадей,
Бороны, колёса.
Для селян кузнец ковал ухваты, гвозди,
А охотникам капканы на зверей.
В ослепительном огне румянилась подкова,
Раздавались вздохи кожаных мехов.

Глянули Никитка и Егорка с интересом,
Забавлялся, ударяя, молотом кузнец.
В горне угли разлетались с треском.
Наковальня терпеливо, как боец,
Принимала на себя тяжёлые удары.
Сашка, сын крестьянина Айдарина,
Сразу их приметил у двери.
“Что вы пялите глазища?”
Эка диво как куются топоры!
Любопытные барчата в ветошных²¹⁶ рубищах!

²¹⁵ Кимвал – древний ударный музыкальный инструмент в виде двух медных тарелок или чаш.

²¹⁶ Ветошка – старая тряпка, лоскут.

Ежели шпионите заглядываясь?
То проваливайте к лешим,
По дорожке ходовой гонцами пешими.
Нечего торчать квасными кадками”.
“Ты, чего урядничаешь нами,
По свистку даешь команды, –
Рассердился на него Никитка, –
Хочешь, волю дам рукам?
Приступаешь к пяткам праздною баландой.
Как улитку мигом стукну биткой!”.

Он шагнул навстречу Алексашке,
Тот подумал, что и впрямь ударит.
Завертелся вертишейкой пташкой,
Кто ему поможет в этой вздорной сваре,
Нет, к несчастью, деревенских рядом.
Сашка сразу тон переменил,
Пареньком был сметливым догадливым:
“Ты и есть Никитка? Не грызи удил!
Знаешь, что прослышал я намерен
Взять тебя хотят к себе соседи.

Одноногий Миколашка старосту просил.
Барин за тебя не заступился.
“Мне полегче будет, коли мир возьмёт
Сорванца-бродяжку под присмотр”.
“Ты не врешь? Я дамся в бег”.
“Как же я, Никитка? – зарыдал Егорка.
“Ты не хлеб, тебя провеять легче.
Дитятко с другого корня.
Кабы лён, нам дергать не с руки.
Рассудили здраво мужики,

С барином отправишься в Иркутск”.
“Миколашке нужен, что хомут? –
Всё пытал с тревогою Никитка.
“Сын его пропал ссученной ниткой.

А калеку упекает совесть,
Душит в мыслях, словно хвост коровий.
Ты на косыня его похож.
Он хлестал сынка нещадно.
Тот сбежал в леса, собачья рожа.
Может ты и есть его досада?”

“Ни, того, наверно, волки съели!”...
Мох красив во влажную погоду.
На ковре его стояли молодые ели.
Звёздочки зелёные, как самородки,
Направлялись лучиками вверх.
Их не срежет серп.
Светлые подушки сфагнума
Обожают тень и влагу.
Ручеек бежал в овражек.
Красота природы привораживает.

Падала сухая хвоя.
В сентябре сосна двухцветная
Загодя до зимнего устоя
Избавлялась от иголок старых.
С ветерком они слетали незаметно,
Осыпались в травяные лари.
На земле годами пролежат.
Босиком здесь не пройдешь, опасно.
Но идти не хочется обратно.
Жалуясь на горе гласно,

Мальчики шли следом по опадку.
Первым Алексашка,
Выводил товарищей до мельницы.
“Там прибежище для хлебокрадов,
Задичаете, небось, как замарашки.
Поживёте скрытно на реке с неделку.
Здесь на ельничке искать не станут.
Коли водяной на дно вас не утащит,
Чтобы выпарить в холодной бане,

Стало быть, не сгинете пропащими”...

К берегу реки красивые ручьи,
Из расщелин скал стекали,
Падая с высот необозримых.
Воды ледяные талые,
Удивляли глаз своей прозрачностью.
Сосны мачтовые,
Кедры богатырские,
Стланик по камням лавирует,
Пряча под собой строптивую тропинку,
Что идёт от лога до вершины.

Ветер рвёт, насквозь пронизывает,
Волосы раскидывает по плечам.
Родион, не подходя к обрыву близко,
Ноги ставил на увесистые камни,
Чтоб подняться вверх.
Вслед за ним шли остальные.
Александр покрестился суеверно,

Новиков сулил им горы золотые,
Как бы вниз не полететь,
Горло, драв, не зареветь

Перепуганным медведем.
Лапти на камнях трещат по швам.
Надоело хуже редьки
Ноги бить по гибельным местам.
“Ну, разбойник, скоро Волчья Падь? –
Он спросил у Киприана.
Киприан, по сторонам поглядывая,
Показал рукой: “Дымится, лихоманка!
Вон, кажись, костры добытчиков видны!
Ты за зря словечком не вини, –

Малахай²¹⁷ отбросил с головы,
Дабы пот стереть с лица,
Продолжал, срывая пук травы, –
Я бежал оттуда, как овца,
От тунгусских юрт подальше,
От оленьих пастбищ и ристалищ²¹⁸.
Пробираясь вместе с женщиной,
Жаль её, река к себе взяла.
Я в артели был тюленщиков²¹⁹,
Золото искал, удача нам не шла.

Древние могилы все разграблены
Нашей братией за много лет назад.
Так что в ножны вставив сабли,
Перестали заниматься кладами.

²¹⁷ Малахай – род старинного крестьянского головного убора — большая шапка на меху с наушниками.

²¹⁸ Ристалище – площадка для состязаний, а также само состязание.

²¹⁹ Тюленщики – искатели золота, серебра в древних могилах, курганах.

Пировали раз в одном улусе,
Дочь охотника была красавицей,
Слов не понимала русских.
Кушанье готовила со вкусом,
В чум входила осторожно плавно,
Как не человек, а чистый дьявол.

Чёрные глазища выставит горящие,
Взглядом точно опалит.
Подарил ей гребешок блестящий,
Из сиреневого аметиста.
Молча приняла из рук подарок,
Наклонила голову слегка,
За водой пошла на русло-старицу.
Возвратилась вся в слезах,
А беда её не велика,
Потеряла гребешок в кустах.

Плачет, мне лопочет непонятное,
Волосы расчёсывает пальцами.
“Где твой гребень? – спрашиваю.
Вёдра вылила в ушат,
Встрепенулась, вся в комочек сжалась,

Побелела, словно простокваша.
Догадалась видно, о чём речь.
Протянула ко мне руки,
Выворачивая плечи,
Как изломанная кукла, –ё

Киприан прервал рассказ, –
Может быть, пора на роздых,
Николай Сергеевич?
От камней рябит в глазах.
Время к вечеру, пока не поздно
Место разыскать вернее”.
Новиков ответил: “Я согласен, –
Он смотрел вперёд зловеще, властно, –
Вот какая ты, гора серебряная!
Высоко стремишься в поднебесье.

Государыне не ведомы твои богатства.
Проходимцы наживаются!”
“Барин, не вини старателей, по-братски
Погибают заживо в шурфах да в шахтах,
Засыпают их или взрывают,
Курицей, снеся яйцо, зачем кудахтать?
Зло ищи на стороне,
Скупщик серебра и золота, каналья,
Не жалеет горсть монет,
Он казну обводит вокруг пальца.

Ты же послан прокурором.
Пресеки от алчности, корысти.
Захребетники, торговцы без разбора
Спаивают горемычных быстро.
По глуши бродя с лопатой и киркой,
Много ли добудешь призрачного счастья?”
Новиков качнул лишь головой:
“Камни драгоценные Указом царским
Добывать должны с учетом строгим.
А угодий беспризорных много.

Рудники Демидова²²⁰ взяла Елизавета.
В тайных мастерских чеканились монеты.
То Алтай, а здесь Сибирь приветливая
Для грабителей, как мать нежная.
Что там говорить – сторонка ссыльная.
Как ты думаешь, найдем мы сладкоежек,
Женщин с именитой пылкостью?”
“Вряд ли, барин, ежели и проезжали
Восточкой народ не жаловали!”

“Хорошо. Спускаемся с горы”, –
Бросив взгляд прощальный на окрестности,
Государственный чиновник до поры
Стал обычным путешественником.
На дороге столбовой, ведущей в Нерчинск
Находились две телеги и лошадки.

²²⁰ Указом императрицы Елизаветы Петровны от 1747 года все заводы и рудники Демидовых на Алтае с приданными им обширными угодьями и приписными крестьянами были конфискованы в пользу казны и переданы в ведение Кабинета Ея Императорского Величества.

Евдоким их ожидал доверчиво,
Невзначай поглядывал украдкой,
Как садилось за лесочком солнышко,
Думами сердечко не наполнишь,

Не согреешь душу безмятежную.
Как уехали с Сосновки
Коротали ночи в веже²²¹,
В кочевой кибитке спать неловко.
На шалаш остроконечный дёрн положишь,
Или мох, не страшен дождик.
Из реки набрав воды хрустальной,
Евдоким готовил на костре похлебку,
Взваривал крупицу с сальцем,
Доставал коврижки с лубяной коробки.

Скатерть-хлебосолку расстелил на травке,
Чтобы путники с дороги отдохнули,
Барин подобрел и отпустил с прибавкой.
Евдоким на ухо чулый.
Камешки посыпались, ему всё слышно.
В котелке дымится варево,
Запахи улавливают в норках мыши,
Небо полыхает заревом.
А крестьянин думает о женушке,
Проследив за стаями вороньими.

Он сам птицей улетел из гнёздышка.
А домой не скоро явится.
С белым снегом да с морозами
На Покров денёк²²² в село завалится,
Словно зверь какой-то с волкодавами.
Чтоб встречала мать, седой отец,
Ребятишки, жёнка милая.
Чем не хваткий молодец,

²²¹ Вежа – шатер, кибитка.

²²² 14 октября.

Не расторопный удалец?!
Коли кровь горячая струится в жилах.

Думал он и о сбежавших мальчиках,
Ну, куда рванули в глухомань?
Что спугнуло их запальчиво?
Деточки головушки бараньи!
Неразумные и упрямые!
Положив грибочки разносольные,
Щуку вяленую, репу пареную,
Евдоким протёр суконкой
Ложки для приличия.
Ах, ты жизнь привада невеличка!

Времечко голодное озябшее
Под осенний морозящий ситничек.
По-крестьянски отвергая слабость,
Голову, подставив беззащитную,
Ветру, что принёс снежинки,
Запах зимний лету на поминки,
Вглядывался он на горы смутные,
Не скрываются ли там лазутчики
Да разбойники с цепями и колодками,
Что в лесах устраивают сходки.

Вышли на костер пылающий
Хмурые попутчики:
Киприан – всё в жизни отрицающий,
Родион – бежавший от рекрутчины,
Александр – беглый раб помещика.
Новиков – рыбица мелкая, подлещик.
Дворянин, но бедный без поместья.
Для чего собрались вместе неизвестно.
Послужить кому, империи Российской?
Нет, Екатерине – ни Отчизне.

Самозванцы для неё страшнее.
Тень убитого Петра²²³ бродила по земле.
Подозрение, как зловещая гиена,
Покушалось на залитый кровью трон.
Отзвуки борьбы в людской молве,
Загонял с пыжом в патрон,
Бунтовщик, изменник, вор.

Мученик Иван Антонович

²²³ Петр III Федорович (1728-62), российский император (с 1761), немецкий принц Карл Петр Ульрих, сын герцога Голштейн-Готторпского Карла Фридриха и Анны Петровны, внук Петра I. С 1742 в России. В 1761 заключил мир с Пруссией, что свело на нет результаты побед русских войск в Семилетней войне. Ввел в армии немецкие порядки. Свергнут в результате переворота, организованного его женой Екатериной, убит.

Не увидел Петербургский двор,
Он младенцем схвачен незаконно,

За решёткой умер от интриг.
Не узнав, что был он император
Северной страны. Под тяжестью вериг
Подчинясь слепо,
Жизнь провел на каторге
В Шлиссельбургской крепости.
Он не помнил матери
Анны Леопольдовны²²⁴,
Ни сестер, ни братьев.
Узник неизвестный и невольный.

С той поры прошло уж десять лет.
Вспоминать то время запрещалось.
Грамоты исчезли, нет чеканенных монет
С бюстом юного наследника
С царским яблоком божественных регалий.
Самодержица России женщина всякая,
Откровенно лакомясь снечью.
Серамида Севера в занятиях
Нравственность придворным проповедала,
А враги её томились в казематах.

Жалко убиенных простодушной черни.
Петр Третий был защитником
Старины любезной сердцу.
Лица русских в бороде, кафтане.
Славного двуперстия в затворных скитах,
Крестного знамения в еланях²²⁵.
Воцарения монарха ждали много лет.

²²⁴ Анна Леопольдовна [7 (18) декабря 1718, Росток, Мекленбург — 7 (18) марта 1746, село Холмогоры Архангелогородской губернии], правительница России с 9 ноября 1740 по 25 ноября 1741 при малолетнем сыне — императоре Иване Антоновиче.

²²⁵ Елань – поляна среди леса, пастбище, луг.

Чтоб избавить государство от измен,
Весь народ терзали эстафетой
Фавориты царствующих женщин.

Евдоким едою чествовал.
У костра ночь тёмная нависла.
На плечах тулупы высятся торжественно.
Александр в шапке плисовой²²⁶.
Родион – в ермолке²²⁷.
Киприан в ушае малахае.
Барин в парике и треуголке²²⁸.
Ветерок то крепнет, то стихает.
Слышатся стенания утёсов,
Словно бес бросает в скалы посох.

“Кипря, расскажи, что было дальше, –
Родион подвинулся поближе к казаку.
“Ты о чём?” “О девушке печальной.
О дикарке, что рыдала на лугу”.
“Давняя морока²²⁹, слушайте мой сказ.

²²⁶ Плис – хлопчатобумажный бархат.

²²⁷ Ермолка – маленькая мягкая круглая шапочка.

²²⁸ Треуголка – форменный головной убор, сужающийся кверху и расширяющийся с боков.

²²⁹ Морока – нечто путаное, непонятное, в чём трудно разобраться.

Был бы конь крылатый, как Пегас²³⁰,
Я бы верно над водой поднялся,
Пролетел над речкой в небесах,
Не боясь стрелы или кинжала.
Попросил бы крылышки у птах.

Только слабому куда до божьей силы!
Подвязал покрепче ремешком бахилы²³¹
Да шагай по камням и в пыли.
Приболел я, а товарищи ушли.
В юрте отлежался летом.
Много зверя про запас добыли,
Чтобы зиму привечать заветную.
Смолоду зачем спешить в могилу?
Поправлялся понемногу от хворобы.
Но об этом разговор особый.

Лишние припасы, мех со скарбом
Помогал охотнику укладывать на сайвы²³²,
В крепкие воздушные амбары.
Лес хранит без караула тайны.
Не осмелится никто без спроса взять.
Чтят закон тайги туземцы, стар и млад.
Даже русские проходят мимо,
Не тревожат из-за страха мести.
Словно охраняют тёмник сима²³³
От воров надёжно место.

²³⁰ Пегас – в греческой мифологии крылатый конь, родившийся из туловища убитой Персеем горгоны Медузы. От удара копытом Пегаса на горе Геликон возник источник Гиппокрена, из которого черпали вдохновение поэты.

²³¹ Бахилы – рыбацьи сапоги.

²³² Сайва – кладовая для охотничьих припасов делается из бревен, устанавливается на дереве или высоком пне.

²³³ Сима – пружина, стальная пластинка, гибкий и упругий прут. Используется в ловушках на зверей.

Главный разоритель – косолапый Мишка.
Он проказник, душегуб.
На деревьях делается сруб
В высоту на три аршина с излишком.
Чтоб не мог попасть в лабаз,
Сверху закрывают крышкой.
За три месяца продукты брал не раз.
Приносил сухое мясо к юрте,
Был старик охотник дюже рад.
На развилки пята шкурки

Заячьи и соболиные,
Улыбался жёлтыми зубами:
“Молодец, урус! – махнет руками,
Табакерку, выкурив тавлинку, –
Оставайся жить, весной женись на дочке,
Станешь зятем мне по-русски,
Не летягой²³⁴ белой одиночкой, –
Хитро поведёт глазища узкие, –
Иня хороша, стреляет зорко,
Любит песни петь на праздничной вечерке”.

²³⁴ Летяга – из семейства млекопитающих отряда грызунов. Близка к семейству беличьих. Длина тела до 60 см, хвоста до 40 см. По бокам тела и между конечностями — кожистая перепонка, служащая для планирующих прыжков длиной до 130-450 м.

Мне тем паче девушка понравилась.
Гордая, как дзур восхваленный,
Дикая косуля величавая.
Шея тонкая, головка маленькая,
Чёрные глаза живые выразительные,
Для охотника жена приятная.
Человек я был залётный, холостой,
Не распутный, не развратный.
Не убогий и не злой,
Скажем прямо: парень молодой.

Раз пурга была, неделю выла,
Замела сугробами следы.
Взял кошёлку²³⁵, шапку двинул на затылок,
Встал на лыжи, чтоб быстрее идти.
Оглянулся, вижу, Иня провожает
Молчаливо замерла утайкой.
У неё в руке берестяная трубка,
Приложив её ко рту,
Крик лосиный выдула из губ.
Я махнул в ответ ружьишком на ходу.

Снег летел в глаза.
Я шагал заиндевелою тайгой.
Там нарядная волшебная краса.
Ели, сосны до вершин укутаны кухтой.
Долго я блуждал по лесу,
Только к сумеркам попался мне лабаз.
Надо было мне беспутному повесе,
Осмотреться лучше в этот час.
Леший может быть, попутал,
Разыграл со мной лихую шутку.

Взял припасы из чужого балагана.
Кукура²³⁶ повсюду одинакова,
Хоть держи её в червонном чане.
Мне простили бы ошибку пакостную,
Как на грех забыл прикрыть я крышку,
Да слезая с дерева, испортил рукавицу.
До сих пор не верю в небылицу,
Что тунгус следы читает, точно книжку.
В тот лабаз медведь забрался,
В день весны довольный наслаждался.

²³⁵ Кошёлка – заплечная берестяная котомка сибирских лесников.

²³⁶ Кукура – вяленое мясо.

Мне же выпала похуже участь.
Возвращаясь, не нашел дороги.
Лыжи обломал о пни и сучья.
В снег, проваливаясь, заморозил ноги.
Сгинул бы навеки, в сон уже клонило,
Только слышу голос лося,
Померещилось, надеждой поманило.
Вскинул я ружьишко на авось,
Выстрелил по зову эвенкийки,
Привела в селенье для убийства.

Не меня – свою любовь казнила.
Я простуженный лежал на шкурах.
Солнце в небесах пожарче засветило.
Лёд в реке трещал, от шума балагурия.
Свежая трава в лугах зазеленела.
Иня песни мне на ухо пела.
А отец её курил всё время трубку,
Да считал на ней свои зарубки,
Сколько он медведей смог,
Стариков лесных прогнать с берлоги.

Вдруг откинулся у чума полог,
Встали грозные охотники у входа.
“Это он, – сказал один из них народу.
От жестоких слов повеял холод, –
Он залез, как росомаха в сайву.
Я хочу его убить, не сомневайтесь”.
Замахнулся пальмой, роковой печатью,
Острый нож в меня вошёл бы до лопаток,
Только кинулась навстречу Иня,
Отвела копьё за край.

Я не знал с чего такая ярость?
Мой невинный вид убавил гнев.
Иня и отец её пытались
Разобраться, плача нараспев.
Умоляя пощадить несчастного уруса.

Долго спорили до самой ночи.
От араки²³⁷ и закуски,
Стали не браниться, не порочить.
Порешили испытать на деле,
Пригласив на пир недельный.

“Знай, урус, башка, однако, глупая!
Отоспишься, в лес пойдёшь,
Старика найдёшь, он ходит в шубе.
Кто такой, ты сам поймёшь.
Он, как мы, лишь нет большого пальца.
Шкуру принесёшь, тебя простим,
Коли нет, назад не возвращайся.
По реке плыви на корм налимам”.
Засмеялись, сунули рогатку в руки.
“Долго не ходи, о пни не стучайся!”

Вышел на охоту утром рано.
Иня в узелок съестного собрала.
Лиственницы в хвойных сарафанах,
Дружные берёзки, береста бела.
У реки взлохмаченные ели,
Кедры и кривые сосны в скалах.
Ягоды брусники с бусинками мелкими
Согревало солнце ярко-алое.
Запахом багульника настоян лес.
Ягод квашеных²³⁸ набрал в присест.

Дабы кипятком распарить у костра,
Выпить чаю и подумать загодя.
Мысли, что пустая мишура,
Может быть, отстанут загнанные.
Нежели мне хуже будет,
Если на восток податься
К братцу благо мудрому?

²³⁷ Арака – молочная водка.

²³⁸ Перезимовавшая брусника

Вот оказия с медведем обниматься!
Волком что ли выть мне от обиды
Или беглецом прикинуться?

Мне досадно, что тунгусы
Похрабрей, смелее русских были.
Что скрывать – охотники улусов²³⁹
Не боясь, на зверя выходили,
Не теряли духа в рукопашной схватке.
В поединке честном побеждали,
Опрокинув пальмой на лопатки,
Наземь сваливали,
Расправляясь с чёрной немочью,
Со свирепым и ревущим демоном.

Шёл вдоль речки вниз теченья.
Тёмный ельник, мох и голубица.
Медвежонок выскочил навстречу,
Разглядев меня – зверину человечью,
Побежал к болотцу, где росла пушица²⁴⁰.
Медвежонку было меньше года,
Значит, где-то рядом мать-медведица.
Зарядил ружьё двойною пулей бодро,
Думаю, шабаш, напал на след.
Уж скраду негодницу.

Слышу рёв глухой, я прочитал молитву.
Вижу под колодой яма.
Ствол когтями срезан, будто бритвой.
А под ним медведица с печальными глазами.
Смотрит на меня, я опустил ружьё.
Ветром что ли ель свалило.
Не желал содеять зло,

²³⁹ Улус – селение.

²⁴⁰ Пушица – род многолетних трав семейства осоковых, растет преимущественно в тундре, лесной зоне, часто на болотах, по заболоченным местам. Корм для северных оленей и лосей.

В пасть закинуть ей удила.
Я не мог, бесхитростно смеясь,
Пристрелить, на порох не скупясь.

Шкуру принести для истины тунгусам.
Похвалиться удалью на славу.
Совесть – пригорелая капуста –
Удержала руки от расправы.
Мать-медведица звала своих детей,
Издавая жалобный сигнал.
Не бывает двух смертей.
Я поближе к яме встал.
Вот, темница, верьте, братцы!
Ствол длиной саженой двадцать

Брошен был на пни и сучья.
Корни ели вырвало с землёй.
Тяжела для зверя участь
Пасть в берлоге роковой!
Медвежата любопытство проявляли,
Чуть дрожали, открывая рты.
Далеко не убежали,
Прятались за ближние кусты.
Пестуна²⁴¹, заботливого дядьки,
Что-то рядом не заметил я.

Медвежата кружат возле матки.
Если с ней беда случится
При опасности играют в прятки,
С места не пытаюсь отлучиться.
В раннем возрасте уже смышленные,
По следам умеют отыскать,
Пищу промышляют на сторонке
Не теряя с виду мать.
Я хотел уйти, помочь не в силах.
Надо мной смеялись Вилы²⁴².

²⁴¹ Пестун – переоговальный медведь.

В ручейке запели песни
С ветерком, шумящим в листьях.
Медвежата лезли по стволам древесным,
Взвизгивая, точно гимназисты.
Я котомку сбросил с плеч,
Вытащил топор, чтоб ель рубить.
Только как медведицу отвлечь,
Коли вырвется, когтями угостит.
Валуны мешали сделать ей раскоп.
Я её послушный крепостной холоп.

Может вольную в награду выдаст?
Ухитрился корневище отделить,
Целый час крошил бревно Ехидны.
Времечко по-божески хранит.
Встал на ноги, а медведица молчит.
Медлит, видимо, пугать не хочет.
Неподвижная сидит и не рычит,
Ждёт, когда её оставлю в одиночестве.
Взял котомку, зашагал к полянке,
Пот с лица протёр от лихоманки.

Оглянулся, хитрая медведица
Лижет медвежат, мне вслед косится.
Вот, друзья, забавная комедия!
По-другому станешь относиться
На охоте с состраданьем к зверю.
Укрепляясь твёрдой верой,
Подошёл к ажурной лиственнице.
Голубику иссини зелёную
Недозрелую и неказистую,
Зацепил слегка ладонью.

²⁴² Вилы – фантастические женские существа в верованиях южных славян, подобные русалке. Красивые девушки, способные летать и связанные с водой.

Сел на ствол поваленный,
Закусил немного с узелка.
Водочки бы выпить шкалик²⁴³,
Губы намочить и кончик языка.
В тучах выдохлась жара,
Сгнула куда-то мошкара.
Я прилѣг на мшистую подушку
У берѣзовой опушки.
Задремал коротким сном
Под небесным без столбов шатром.

Белка ветку обломила с хрустом.

Дробью била об кору желна²⁴⁴,
Вдруг услышал пение хомуса²⁴⁵,

²⁴³ Шкалик (косушка), русская мера объема жидкости. 1 шкалик = 1/2 чарки = 0,06 л.

²⁴⁴ Желна (черный дятел), птица семейства дятлов. Длина до 50 см. Обитает преимущественно в хвойных лесах.

То играла Иня в поисках меня.
Звуки мелодичные и резкие
Привораживали, удивляли.
Зарево на небе вспыхивало блеском,
Где-то облака с дождѣм гуляли.
Стрелы молнии сверкали,
Озаряя тѣмные прогалины.

Девушка за мной следила тайно,
Не решалась близко подойти.
Наблюдала, как воркуют гаички²⁴⁶,
Подпевала им свои мечты.
Капли дождика слезой невинной
Окропили травы и упругий мох.
Как забыть печаль старинную!
Зря я принял к сердцу вздох?
Мне хомус поведал о девичьей грусти,
Разлетелись мысли гусями.

Чары чудные в душе настраивала.
В разукрашенной одежде
С ярко набранной мозаикой
Мехом, бисером и тканью.
С величавой стройною осанкой
В рукавицы спрятала надежды.
Бахрома из козьей шерсти
По подолу, по плечам и рукавам
Развевались веером,
Отводили дождик по краям.

Я окликнул Иню, пожалел её.
До сих пор себя виню за эту глупость.
Жизнь её порушил, как звено,

²⁴⁵ Хомус – самозвучающий щипковый музыкальный инструмент в виде подковы (или пластинки) с прикрепленным к ней металлическим язычком. При игре хомус прижимают к зубам.

²⁴⁶ Гаички – синицы.

Приближая к смерти неотступно.
Мы от ливня спрятались
Под роскошной ёлкою с надеждой.
В ожерелье девушки блистали злато,
Бисер белоснежный.
“Отчего хозяйку в шубе не убил?
Обещанье видно позабыл?” –

Улыбаясь мне, спросила эвенкийка.
“Жалко медвежат, умрут от голода”.
“Ты, однако, от сомнений диких
Попусту тревожил голову.
Зверь ясак не платит за кочевку.
До еды охотник ловкий”.
“Как же я вернусь в твоё селенье?
Без медвежьей шкуры выгонят меня?”
Закидают издали камнями,
Или встретят с острием рожна”.

“Я пойду с тобой, куда захочешь”.
“Разве бросишь ты отца?
Он умрёт в разлуке с дочерью,
Сердце разорвётся без свинца”.
“Мой отец сказал: иди за русским,
На себя надень позвонче бусы.
Коли русский возвратится,
То его положат в шкуру,
Отнесут в лабаз стыдиться
За поступок зимний хмурый”.

“Нежели прилипчивы до мести!
Позабыть о прошлом не желают?”
“Знай, эвенкам, жалость неизвестна,
Виноватого до смерти забивают.
В лес послали ради шуток,
Чтобы звери рвали на лоскутья.
Я тебя люблю, отец согласен.
Нам поможет месяц ясный,

Завтра будет поздно, от погони
Солнце светом не схоронит”.

Иня посмотрела в небо,
Руки, простирая кверху:
“Духи, верхние, волшебные!
Звёзды Сэвки²⁴⁷ над деревьями!
Защитите нас от Харги²⁴⁸.
Нижний мир холодный,
В нём не бьётся сердце жаркое,
Люди бродят там голодными,
Ловят от тоски кузнечиков.
Травы и цветы им вяжут плечи”.

Мы, костёр не зажигая,
Бросились к реке без лодки вплавь.
Птиц тревожа и пугая,
Молодецки веселились от забав.
Бурная водичка, тьма небесная
Закрутила омут ледяной.
Нахлебался волн солёно пресных,
Слёз девичьих, что ушла под воду с головой.
Я на берег выплыл на медовый Спас²⁴⁹,
То жестокая Медея²⁵⁰ разлучила нас”.

²⁴⁷ Сэвки – добрый дух эвенков.

²⁴⁸ Харги – злой дух эвенков. Вместо правой кисти у него страшная человеческая голова с оскаленными зубами, на левой руке огромный коготь. Вместо ног - култышки. Голова лысая, а тело заросло шерстью.

²⁴⁹ 14 августа.

²⁵⁰ Медея – в греческой мифологии волшебница, Помогала предводителю аргонавтов Ясону добыть золотое руно за обещание жениться и вместе с героем бежала из Колхиды. Чтобы задержать погоню, убила своего брата Апсирта и разбросала куски его тела, рассчитывая, что отец задержится, чтобы собрать их.

Киприан, глотнув слюну в осипшем горле,
 Замолчал, он слушал ветра шум.
 Память через годы четче и прозорливей,
 А печаль помягче от тяжёлых дум.
 “Утопил одну, второй тебе не жалко?
 Хочешь затравить её погоней!” –
 Родион, в золу втыкая палку,
 Разгребал дымящийся огонь.
 “Голод и нужда заставят каждого,
 Охранять закон гражданский”.

Нарубив еловых веток,
 Спать легли под тёплые тулупы.
 Не давая призрачных обетов,
 Без молитвенных и глупых.

Ночью выпал снег.
 В воздухе звенела изморозь.
 Двое оставались у телег,
 словно принимая схизму²⁵¹,
 Не желали оправляться в путь,
 Их заставить мог бы первый кнут.

Новиков особо не старался.
 По следам идти вернее в зиму.
 Чёрт с младенцем что ли потягался,
 Отпустил на волю Евдокима.
 Родион и Алексашка в карауле,
 Лошадей, имущество стеречь.
 А они вперёд излётной пулей,
 Силы, зарядив в последнюю картечь,
 Плыли по реке с шугою²⁵² вместе
 До разбойничьего места.

Плот промок, вода течением сбивала.
 От реки клубился пар.
 На беду брёвно под плот попало,
 Опрокинув неожиданным ударом.
 Новикову ногу повредило.
 Киприан его на берег вытащил.
 В тростниках кричали выпы.

²⁵¹ Схизма – раскол в христианской церкви; чаще всего подразумевается разделение церквей (православной и католической).

²⁵² Шуга – на реках, в водоёмах: мелкий рыхлый лёд, появляющийся перед ледоставом, во время ледохода.

Чувствовал ассессор, что теряет силы,
Виделся ему в тумане на коне Ярила²⁵³.
Лошадь, закусив удила,

Скачет к ним навстречу.
А в руке у незнакомца горсть колосьев.
Новиков откинул плечи,
Застонал беззвучно, безголосно.
Вдруг колосья превратились в свечи,
Слились с маревом, пропали.
Киприан шагал с тяжёлой ношей
Через лес прогалиной.
Мокрая одежда от движений согревалась,
Но от холода синела кожа.

Барину, бесспорно, приходилось туго.
Думы казака в волненьях странных.
Надобности нет реветь белугой.
Скрыться с глаз хотелось безнаказанно.
Бросит господина, он замёрзнет,
Волки по кустам растащат кости.
А волков пусть травят борзыми.

²⁵³ Ярило – древний славянский бог плодородия.

Без креста унылого погоста
Душу замолить пред богом нечем.
Киприан вздохнул: на муки вечные

Совестно оставить человека.

Близкого жилья в тайге не сыщешь.
 Он не пекарь и не лекарь.
 Долго ли им жить без пищи?
 Так по склонам каменистым
 Брёл с товарищем убогим
 С голода не очень быстро,
 Натирая до мозолей ноги.
 Снег не таял, к вечеру крепчал мороз.
 С ветром пел, шумел рогоз.

Ночью прятались в укромном шалаше,
 Из остова веток и травы сухой,
 В буйно росшем камыше,
 Завалив себя, укрылись с головой.
 Благо, что мороз – не дождь сырой.
 Раз наткнулись на кедровые орехи,
 Что кедровка припасла с успехом,

Или бурундук наполнил кладовые.
 Им беда за грех – глаза не выест.
 Закусили без помехи.

Да, судьба над ними посмеялась.
 Ружья, вещи забрала река.
 Лесом зимним прогулялись
 Без костра и котелка.
 Родион и Александр их заждались,
 В путь обратный, видимо, собрались,
 Их умершими считают.
 Богу свечку не одну поставив,
 Крестятся, кумекают, гадают
 Пить за упокой или за здравие!

Выйти не пришлось к товарищам.
 Берегом реки блуждали долго,
 Попадая на болота или гари,
 Свыклись с незавидной ролью.
 Замерзала борода от инея.
 Смерть ходила рядом,
 Посохом с крючком толкала в спину,
 Аккуратно в яму скрадывала.
 Утром может, вовсе не проснулись.
 Веки намертво сомкнулись.

На их счастье лес рубили странники.
 В яме, вырытой для волка, были люди.
 Кости с мясом для приманки
 На снегу торчали грудой.
 “Глянь-ка, Митрий, что за чудо!
 Серого ловил, а тут разбойники!”
 “Леший с ними, пусть лежат.
 Отдохнут от дел покойники”.
 “Нет, живые. Кажется, шевелятся?!”
 “Ироды, давай пристрелим!”

“Уж, не гоже, всё же человечки.
 Отнесём на сани поживей!”
 В ските тайном возле речки
 Нет украшенных церквей.
 Если кто-то попадал сюда,

Он для мира исчезал навеки.
Прятались от царского суда
Вольные лесные дровосеки.
Летом по болотам не пройдёшь,
Пропадешь, как травяная вошь.

На околицах в лесах глухих
В травах буйных и густых
По преданию старины
Можно встретить придорожный крест,
Сверху он прикрыт тесинами
В память чудотворных мест
Или в случае коварного убийства.
Для поклона путнику стояли голубцы,²⁵⁴
Чтоб спасенные витийствовали²⁵⁵,
Как посыльные гонцы...

²⁵⁴ Голубцы – надмогильный крест.

²⁵⁵ Витийствовать – говорить красноречиво, ораторствовать.